

Чекисты прочитают мысли экстремистов: ФСБ займётся психолого-лингвистическими экспертизами.

ФСБ хочет расширить список проводимых ею судебных экспертиз. Чекисты будут анализировать любые высказывания и тексты в ходе психолого-лингвистических исследований. Это позволит определить, как то или иное слово воздействует на граждан и как последние воспринимают в том числе экстремистские материалы.

Согласно поправкам в приказ от 23 июня 2011 года «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов ФСБ», эксперты службы займутся «выявлением способов оказания психологического воздействия, а также особенностей восприятия и понимания материалов экстремистской и террористической направленности различными аудиториями». Отметим – ещё в 2011 году Минюст составил методику выявления экстремистских текстов.

Там, в частности, утверждалось, что антиэкстремистские законы запрещают лишь публично изложенные, то есть вербализованные, мысли, а не мысли сами по себе. Впрочем, как указывалось в той же методике, мысли бывают всякие. И если для одних вербализация запрещена на побудительной стадии, то для других – на более ранней, то есть оценочной. Очевидно, это относится к самым крамольным мыслям. Таковыми в нашей стране обычно считаются те, которые являются критическими по отношению к власти.

Председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам Михаил Горбаневский сказал «НГ», что в принципе до сих пор хватало и существующего перечня экспертиз, определенного Минюстом. «Подготовленные лингвисты могут при помощи своего инструментария определить целеустановку автора всякого текста, – сказал «НГ» Горбаневский. – Вот только иногда недостаточно компетентные следователи, а порой и судьи назначают некую филологическую, филолого-лингвистическую и психолого-лингвистическую экспертизы, не разобравшись, какая между ними разница».

Горбаневскому заочно оппонирует начальник отдела лингвистических исследований и экспертиз при Департаменте региональной безопасности правительства Москвы Юлия Сафонова. «Если очень просто объяснять, то психолого-лингвистическая экспертиза назначается при исследовании каких-либо объектов речевой деятельности – письма, устные тексты, демотиваторы, картинки и так далее, – пояснила она «НГ». – Эта экспертиза обязательно должна назначаться – особенно в рамках противодействия экстремизму и терроризму. Речевую деятельность, то есть всё, что может быть вербализовано, изучает лингвист, а вот то, зачем человек это говорит или пишет исходя из своих установок и желаний, – это всё и определяет психолог». Сафонова полагает, что психолого-лингвистическая экспертиза в ФСБ должна была бы появиться давно: «Я полагаю, что в рамках противодействия экстремизму и терроризму комплексные психолого-лингвистические экспертизы позволяют ответить на все семь вопросов, связанных с антиэкстремистским законодательством (возбуждение, обвинение, оправдание, призыв, пропаганда, угроза, унижение. – «НГ»»).

Дело в том, что это законодательство состоит из так называемых законов формального действия, пояснила Сафонова: «Призыв к экстремизму – речевое действие. Вам показывают модель поведения – и необязательно при помощи повелительной формы глагола. Побуждение к насильственным действиям может быть достигнуто и за счет манипулятивных техник». Антиэкстремистские же законы, по словам эксперта, исходят из следующего: «Не надо, чтобы что-то произошло, достаточно уже того, что об этом говорят или к этому призывают». Выявление же призывов как раз и относится к деятельности психологов. Так что российский законодатель, заявила «НГ» Сафонова, совершенно справедливо ограничивает свободу слова, тем более что такие ограничения присутствуют во всех странах. Отдельный вопрос, по её словам, это технические процедуры, то есть принципы работы эксперта. По словам Сафоновой, всяческие опросы, фокус-группы – это настоящему эксперту и не нужно, поскольку, напомнила она, антиэкстремистские законы – законы формального действия.

Директор центра «СОВА» Александр Верховский удивился запоздалости приказа ФСБ. Он подчеркнул, что нет правил, по которым кто-то может проводить экспертизу, а кто-то нет: «Человек, имеющий соответствующее образование, в принципе может. Я, к примеру, знаю случай, когда экспертизу для ФСБ делала сотрудница некоего центра. Сама она была филологом, но

проводила экспертизу по учению «Свидетелей Иеговы». Объяснялось же это тем, что дама прослушала курс, касающийся религиоведения». Верховский считает, что, видимо, в силовом ведомстве просто решили взять на себя больше комплексных экспертиз. При этом он заявил, что выводы из лингвистического анализа следуют почти такие же, что и из психолого-лингвистического.

Осторожный комментарий дал «НГ» руководитель юридической службы КПРФ Вадим Соловьёв. Он признал, что с судебными экспертизами, конечно, нужно навести порядок, чтобы закончился «дикий бардак». Виной которому, по его мнению, недофинансирование либо ликвидация некоторых экспертиз. В результате на «экспертном рынке» появились частники, которые теперь в тех или иных ситуациях могут оказаться под давлением властей: не понравилось последним мнение экспертов, те его и переписали. О подобных репутационных ударах по профессии сказал и Горбаневский, призвав разделять экспертов и «экспертов». Вторые, мол, как раз и работают в рамках политических заказов.

Соловьёв же уверен, что экстремистская и террористическая деятельность, разумеется, должна иметь отношение к органам безопасности. С другой стороны, считает он, в силовых органах может происходить политизация процессов: там иногда при помощи тех же экспертиз ведут борьбу не столько с криминалом, сколько с оппозицией. «И эта политизация, – сказал «НГ» депутат, – в последнее время настораживает». Он полагает, что если возникают сомнения в объективности подобных экспертиз, то у подсудимого должно быть право на проведение независимого исследования.

Впрочем, считает парламентарий, «вообще кто-то же должен эти экспертизы проводить, а в МВД они, наверное, были бы похуже, всё-таки в ФСБ лучше специалисты». Качество их подготовки, кстати, отметили и другие эксперты.

Горбаневский, в частности, обращает внимание на «общую ситуацию в нашей стране, когда, вместо того чтобы заставить работать действующий закон, постоянно пишутся новые». Кстати, именно в законах, в частности в ФЗ № 114 о противодействии экстремистской деятельности, Горбаневский и видит суть проблемы. Его размытые определения приводят к тому, что «стоит журналисту жёстко покритиковать руководителя субъекта Федерации, к нему могут быть предъявлены претензии, возбуждено дело по 114 закону. Конечно, есть реальные экстремисты, например, неонацисты, с которыми

нужно бороться. Но любой закон – о СМИ, рекламе и прочие – должен по прошествии времени обязательно оптимизироваться, а этого и не происходит».

В качестве примера эксперт привёл статью 282 Уголовного кодекса РФ – о возбуждении ненависти либо вражды, в частности, к той или иной социальной группе. Эксперт рассказал случай, как ему позвонил прокурор одного из регионов РФ и рассказал, что журналисту, написавшему нелицеприятную статью о губернаторе, предъявили претензии по поводу разжигания социальной розни. «А я спросил: что же написано в заявлении? К какой социальной группе разжигается рознь? А написано было так: к социальной группе «власть», – развёл руками эксперт.

12.03.2015 г.

Велимир Разуваев
Заместитель заведующего отдела политики "Независимой газеты"
http://www.ng.ru/politics/2015-03-12/1_velimir.html